

РЕЧЕВЫЕ И ЖЕСТОВЫЕ СИГНАЛЫ
ПРОДОЛЖЕНИЯ / ЗАВЕРШЕНИЯ МОНОЛОГА

А. А. Кибрик^{1, 2}, Н. А. Коротаев^{1, 3}, Ю. В. Николаева⁴

¹ Институт языкознания РАН,

Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1 стр. 1

² Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

³ Российский государственный гуманитарный университет,
Россия, 125993, Москва, Миусская пл., 6

⁴ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Поступила в редакцию 15.12.2025 г.

Принята к публикации 29.01.2026 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-10

В ходе разговора встречаются длительные монологические пассажи. Исследование направлено на поиск речевых и жестовых средств, с помощью которых говорящие сигнализируют о намерении продолжить монолог или, напротив, о приближении к концу монолога и готовности передать слово собеседникам. Материалом исследования послужил корпус «Русские рассказы и разговоры о грушах» (RUPEX), снабженный подробной мультимедийной разметкой. Каждая входящая в корпус запись содержит монологический этап рассказа, за которым следует этап интерактивного обсуждения. Такое устройство корпуса удобно для нашей исследовательской задачи. Опираясь на эпизодическую структуру рассказов, понятия элементарной дискурсивной единицы (ЭДЕ), устного предложения и функциональных типов мануальных жестов, мы получили следующие результаты. Речевым сигналом завершения монологического пассажа является уменьшение средней длины устных предложений, то есть последовательностей ЭДЕ, образующих единый просодический комплекс. Во всех изученных записях корпуса говорящие завершают рассказы серией предложений, состоящих из 1–2 ЭДЕ. Кроме того, большая часть рассказчиков также использует обратную стратегию: они увеличивают длину предложений в интервале, непосредственно предшествующем заключительному. Что касается жестовых сигналов завершения монолога, было обнаружено, что в финальном эпизоде по сравнению с нефинальными эпизодами уменьшается доля изобразительных жестов, иллюстрирующих описываемые события, и возрастает доля прагматических жестов и битов, связанных с выражением позиции говорящего и структуры дискурса. Указанные изменения в речи и жестах могут быть интерпретированы собеседниками как признаки завершения монолога и перспектива скорого перехода права говорить от текущего рассказчика к другому участнику разговора.

Ключевые слова: жестикуляция, монолог, мультимедийная коммуникация, Русские рассказы и разговоры о грушах, устное предложение, чередование реплик в разговоре, элементарная дискурсивная единица

1. Введение

Бытовой разговор представляет собой самую каноническую форму использования языка (Щерба 1915, с. 3–4; Якубинский 1986, с. 25; Clark 1996, р. 24). Разговор состоит из участков, в течение которых роль основного говорящего принадлежит одному собеседнику. Эти участки именуются репликами. Организация реплик и принципы перехода от одной реплики к другой традиционно рассматриваются как центральный вопрос устройства коммуникации (Sacks et al. 1974). Реплики в составе разговора часто бывают относительно короткими и сопоставимыми по длительности. Однако в составе разговора встречаются монологические реплики, то есть пассажи, в течение которых один из собеседников в течение длительного времени удерживает роль основного говорящего. Это явление в разных терминах и под разными углами зрения рассматривалось в литературе (Houtkoop, Mazeland 1985; Auer 1992; Selting 2000; Борисова 2002; Ford 2004; Marian et al. 2021; и др.). В последнее время преобладающий термин, обозначающий данное явление, — это «реплики с множественным составом» (multi-unit turns). В этой статье мы будем говорить о *монологах*, входящих в состав более объемной коммуникации. Одна из типичных причин для появления такого монолога — это рассказывание рассказа, вкрапленного в разговор (Chafe 1994, р. 128).

Представляет интерес вопрос о том, каким образом автору монолога удастся контролировать свою роль основного говорящего. Этот вопрос распадается на два более частных вопроса:

- Каким образом говорящий сигнализирует собеседникам, что он намерен продолжить свой монолог?
- Каким образом говорящий сигнализирует собеседникам, что он приближается к концу монолога и вскоре готов передать право говорить собеседникам?

Имеется ряд исследований, в которых эти вопросы изучались (см., напр.: de Ruiter et al. 2006; Mondada 2007; Riest et al. 2015; Magyari 2022; Mlakar et al. 2023; Reece et al. 2023; Богданова-Бегларян 2023; Костина 2023)).

Мы рассмотрим указанные вопросы на материале мультиканального корпуса «Русские рассказы и разговоры о грушах» (Russian Pear Chats and Stories, сокращенно RUPEX), который мы вместе с соавторами развиваем в течение ряда лет (см.: multidiscourse.ru). Этот корпус состоит из множества отдельных и параллельных по структуре записей. Каждая запись, в которой участвовали четыре человека (Рассказчик, Комментатор, Пересказчик и Слушатель), представляет собой совокупность медиафайлов и соответствующих им аннотаций вокального и кинетического поведения.

Записям предшествовал просмотр «Фильма о грушах» (Chafe 1980) Рассказчиком и Комментатором. Запись начинается с монологического этапа *рассказа*, в ходе которого Рассказчик рассказывает Пересказчику содержание фильма. После этого следует интерактивный этап обсуждения, в котором участвуют Пересказчик, Рассказчик и Комментатор.

Пересказчик задает видевопросам фильму Рассказчику и Комментатору уточняющие вопросы, Комментатор может вносить уточнения, касающиеся содержания фильма. Наконец, на завершающем этапе к группе присоединяется Слушатель, и Пересказчик пересказывает ему содержание фильма. Подробнее см.: (Кибрик 2018).

Медиафайлы, созданные при формировании корпуса, были подвергнуты подробной аннотации. Поскольку коммуникация протекает одновременно по множеству каналов, наш подход именуется *мультиканальным*. Аннотация двух вокальных каналов — вербального и просодического — реализуется объединенно в виде транскриптов звучащей речи. Аннотация кинетических каналов — мануального, цефалического, окуломоторного — реализуется по отдельности. В рамках настоящей статьи будут показаны результаты вокальной аннотации речи и аннотации жестов рук.

Аннотация различных коммуникативных каналов в корпусе характеризуется высокой степенью подробности. Мультиканальный характер этой аннотации позволяет увидеть, какое количество одновременных коммуникативных действий собеседники выполняют с огромной скоростью. В силу высокой подробности аннотации корпус RUPEX является многоцелевым, то есть может использоваться для самых различных задач в области изучения естественной коммуникации.

Материал корпуса удобен для рассмотрения вышеуказанных исследовательских вопросов, поскольку в каждой записи содержится монологический этап *рассказа*; как уже упоминалось, рассказы являются типичными монологами в составе разговора. Именно поведение Рассказчика на этапе рассказа и будет предметом нашего рассмотрения. Надо заметить, что по ходу рассказа Рассказчика Комментатор иногда проявляет нетерпение и желает начать что-то исправлять или уточнять, хотя согласно правилам должен дожидаться завершения рассказа. Рассказчик остается основным говорящим на всем протяжении этапа рассказа и при этом может подавать собеседникам сигналы о том, что он пока что продолжает рассказ или, наоборот, уже близок к завершению. Именно такие сигналы мы попробуем выявить в настоящей статье. Мы остановимся на двух типах поведения Рассказчика — на организации звучащей *речи* и на *жестах рук*. Эти два типа поведения будут рассмотрены в разделах 2 и 3 соответственно.

2. Речевые явления

2.1. Ключевые понятия: ЭДЕ и предложение

Анализируя речевые аспекты завершения / продолжения монологических фрагментов, мы опираемся на два ключевых понятия: элементарная дискурсивная единица и предложение.

Под *элементарной дискурсивной единицей* (далее — ЭДЕ) мы понимаем минимальный шаг в построении локальной структуры дискурса. При порождении дискурса, с одной стороны, говорящий следует некоторому общему плану, который определяется стоящей перед ним гло-

бальной задачей (например, пересказать события фильма), с другой — этот план реализуется не одномоментно, а в виде последовательности отдельных речевых действий. Языковым воплощением этих действий и выступают ЭДЕ. В потоке речи ЭДЕ выделяются на основании ряда просодических характеристик, таких как наличие общего интонационного контура и акцентных пиков, закономерностей в распределении темпа и громкости речи, паузации (Кибрик, Подлеская 2009; Kibrik et al. 2020).

Результат сегментации речи на ЭДЕ фиксируется в транскриптах — аннотациях устных дискурсов. В транскрипте каждая ЭДЕ записывается в отдельной нумерованной строке. Рассмотрим фрагмент транскрипта одной из записей корпуса — рассказа Pears35N.

(1) Pears35N¹: фрагмент транскрипта

N-vE037	:(ə 0.62) 'Он /→едет,
N-vE038	:по /→дороге-е,
pN-018	:(0.29)
N-vE039	:и навстречу /ему едет \девочка.
N-vE040	:Тоже на \велосипеде.
pN-019	:(0.18)
N-vN014	:(ц 0.70)
N-vE041	:(е 0.43) В какой-то — момент они-и (0.26) (? 0.69) {sm 0.22} (е 0.42) :(0.23) /пересекаются,
pN-020	:(0.32)
N-vE042	:и-и (0.19) — 'мальчик (ə 0.71) (0.51) (ц 0.31) /оборачивается на неё,
N-vE043	:и в \этот момент он наезжает на большой /камень,
pN-021	:(1.30)
N-vE044	:(ə 0.20) падает с / — велосипеда,,,
pN-022	:(0.17)
N-vE045	:его \шляпа /→падает,,,
pN-023	:(0.44)
N-vE046	:\груши /рассыпаются,,,
pN-024	:(1.21)
N-vE047	:(ə 0.36) и /\он-н (? 0.25) ударяет \ногу.

В приведенном отрывке содержится 11 ЭДЕ. Из десяти границ между ЭДЕ семь границ в (1) содержат паузы: либо абсолютные (участки молчания; например, pN-018), либо смешанные (участки молчания с

¹ Обозначение «Pears35» указывает на запись номер 35 корпуса RUPEX, а индекс N — на то, что разметке подвергается речь Рассказчика (Narrator). Строки, содержащие ЭДЕ, обозначаются в левом столбце при помощи идентификатора, начинающегося с последовательности N-vE; также в отдельных строках размечаются абсолютные и заполненные паузы между ЭДЕ. При помощи слэшей и стрелок обозначены движения частоты основного тона в ударных слогах акцентированных словоформ и вне их. Суть пунктуационных знаков в конце строк, а также подчеркивания ударной гласной в некоторых из акцентированных словоформ кратко пояснены далее в тексте статьи. Подробнее об используемых обозначениях см.: (Kibrik et al. 2020).

последующей нелексической вокализацией; например, последовательность строк pN-019, N-vN014 и начального элемента строки N-vE041). Паузация, впрочем, является лишь дополнительным критерием при сегментации рассказов корпуса на ЭДЕ. Среди основных критериев можно выделить наличие единого интонационного контура и акцентных пиков. На рисунке 1 приведена тонограмма, соответствующая строкам N-vE037 – N-vE039 примера (1). Можно заметить, что каждая из трех ЭДЕ этого отрывка обладает самостоятельным интонационным контуром – конфигурацией изменения частоты основного тона во времени. В первых двух единицах эти конфигурации весьма похожи: после относительно ровного участка тональной кривой следует восходящее движение, переходящее в ровный высокий тон; эта восходяще-ровная фигура локализована в ударных и заударных слогах акцентированных (выделенных) словоформ *едет* и *дороге* (соответствующие участки тональной кривой выделены на рисунке при помощи эллипсов). В ЭДЕ N-vE039 интонационный контур содержит два акцентных пика: восходящее тональное движение, локализованное на ударном слоге словоформы *ему*, и нисходящий тон на словоформе *девочка* (также выделен эллипсом на рисунке). Обе конфигурации, представленные в этом отрывке, хорошо узнаваемы и реализуют стандартные интонационные стратегии русского языка (Брызгунова 1980; Янко 2001). Кроме того, в ЭДЕ N-vE038 и N-vE039 наблюдается тональный ресет – начальная установка частоты основного тона на некоторое дефолтное значение, комфортное для данного говорящего. В обеих указанных ЭДЕ это значение близко к 200 Гц, и это значительно ниже, чем значение, достигнутое в конце предшествующих ЭДЕ; на рисунке места ресета дополнительно отмечены стрелками.

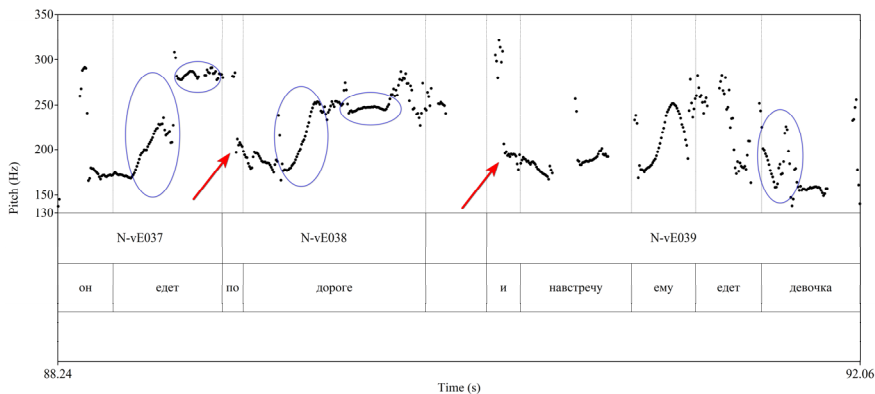

Рис. 1. Тонограмма отрывка, соответствующего ЭДЕ N-vE037 – N-vE039 из примера (1)

В целом набор критериев, используемых для сегментации речевого потока, может различаться; см. обзор существующих подходов в (Izre'el et al. 2020). Однако, даже опираясь на не полностью совпадающие наборы формальных признаков, разметчики могут достигать довольно вы-

сокой степени согласованности (Panunzi et al. 2020). Одно из возможных объяснений этого факта — укорененность минимальных дискурсивных шагов в когнитивной системе говорящего (Chafe 1994, p. 53–70).

В свою очередь, под *предложением* мы понимаем объединение ЭДЕ в потенциально сложный комплекс, основанное на противопоставлении значений абстрактной категории фазы (Кодзасов 2009). В устной речи это противопоставление обслуживается в первую очередь интонационными средствами: нефинальные фазовые значения чаще всего выражаются при помощи того или иного восходящего акцента (Янко 2008, с. 128–170), финальное значение (в случае иллокуции сообщения) — при помощи глубокого нисходящего акцента. Именно этот случай представлен во фрагменте на рис. 1, где ЭДЕ N-vE037 и N-vE038 произносятся с восходяще-ровным главным фразовым акцентом, а ЭДЕ N-v039 — с нисходящим. Таким образом, последовательность этих трех ЭДЕ составляет одно предложение.

В транскриптах границы предложений отмечаются при помощи точки и некоторых других финальных пунктуационных знаков, границы неконечных ЭДЕ в предложениях — при помощи запятой и ряда других нефинальных знаков; статус акцента как главного в строке фиксируется посредством подчеркивания ударной гласной в акцентированной словоформе. Длина предложений в ЭДЕ может различаться. Так, второе предложение в примере (1) состоит только из одной ЭДЕ (N-vE040), а после этого говорящая реализует предложение, содержащее в себе шесть ЭДЕ (N-vE041 — N-vE046). Общим для трех предложений в составе (1) является то, что в каждой из них только одна — последняя по порядку — ЭДЕ демонстрирует интонационные признаки фазовой завершенности.

Близкое понимание термина «предложение» используется в работах У. Чейфа, который также выдвигает дополнительную когнитивную интерпретацию. Если интонационная единица (аналог ЭДЕ в его концепции) представляет собой вербализацию одного «фокуса сознания», то в предложении могут агрегироваться понятия, находящиеся в течение некоторого времени в так называемой полуактивной зоне сознания (Chafe 1994, p. 139–145).

Итак, при анализе речевого компонента мультиканальной коммуникации мы исходим из того, что он может быть представлен в виде последовательности ЭДЕ, объединенных в предложения.

2.2. Предварительные наблюдения и метод анализа

Как уже было продемонстрировано выше в примере (1), длина предложений, измеряемая в количестве входящих в них ЭДЕ, может варьировать. Предварительные наблюдения позволяют предположить, что чередование более длинных и более коротких предложений орга-

низовано неслучайным образом. На рисунке 2 в формате гистограммы приведены данные о длине всех 47 предложений, входящих в рассказ записи Pears37. Как видно из представленных данных, разброс значений составляет от 1 до 12, причем в целом длина предложений в рассказе распределена неравномерно: участки с сериями коротких предложений (1–2 ЭДЕ) перемежаются участками существенно более длинных предложений. Особый интерес в контексте нашего основного исследовательского вопроса представляет конечный отрезок рассказа. Несложно заметить, что рассказ завершается последовательностью коротких предложений, а непосредственно до этого говорящая, напротив, реализует сразу несколько значительно более продолжительных предложений — в том числе два самых длинных в рассказе (из 12 и 11 ЭДЕ).

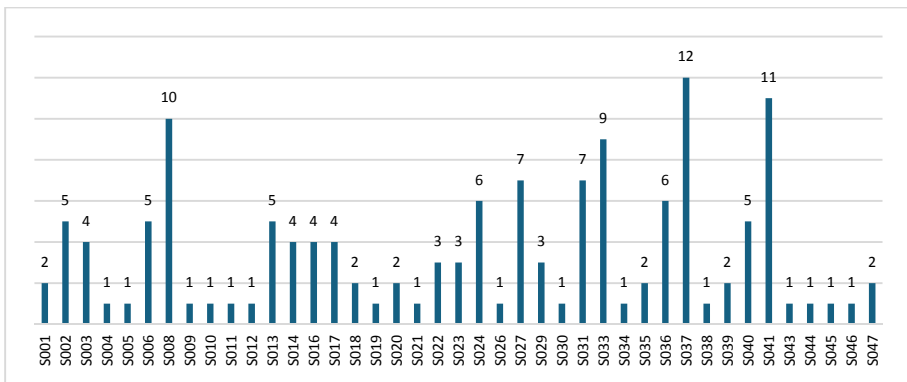

Рис. 2. Количество ЭДЕ в предложениях рассказа записи Pears37

Исходя из предварительного качественного анализа ряда рассказов, мы предположили, что описанное выше явление реализует определенный паттерн, релевантный при завершении длительного монологического участка разговора. Наша гипотеза заключается в следующем.

(а) Когда Рассказчик начинает приближаться к завершению монолога, он нуждается в том, чтобы сигнализировать собеседникам: «Стадия завершения еще не наступила, я удерживаю право говорить». Для этого используются относительно длинные предложения.

(Ср. представление о том, что более сложные предложения позволяют говорящему дольше сохранять очередь хода (Auer 1992, p. 52).)

(б) В заключительной части рассказа, когда Рассказчик уже готов передать право говорить собеседникам, он, напротив, сигнализирует об этом при помощи коротких предложений.

Иными словами, мы предполагаем, что на завершающих стадиях рассказа обнаруживаются два противопоставленных друг другу интервала: первый из них можно обозначить как *интервал удержания*, второй — как *заключительный интервал*. В интервале удержания должно происходить увеличение средней длительности предложений в количестве ЭДЕ, в заключительном интервале — сокращение длительности.

Для выявления потенциальных интервалов удержания и заключения и дальнейшей количественной и статистической проверки нашего предположения мы использовали схему эпизодов «Фильма о грушах», предложенную в (Kruger 2012) и уточненную в (Федорова 2025). Схема состоит из пяти эпизодов, или сцен, содержание которых можно описать следующим образом:

1. Сбор груш (*The picking scene*): Садовник собирает груши.
2. Кража (*The theft scene*): Мальчик на велосипеде увозит одну корзину с грушами.
3. Столкновение (*The crash scene*): Мальчик врезается в камень и падает с велосипеда.
4. Дарение (*The Samaritan scene*): Три других мальчика помогают ему собрать груши и поднять велосипед, за это он им отдает три груши.
5. Обнаружение (*The discovery scene*): Садовник спускается с дерева, в это время мимо проходят три мальчика и едят груши.

Безусловно, речевое наполнение этих эпизодов может различаться от рассказчика к рассказчику — причем иногда весьма существенно. Например, в рассказе записи Pears37 отсутствует описание эпизода обнаружения, а в качестве финального выступает эпизод с дарением груш. (Позже, на этапе разговора, Рассказчица признает, что забыла включить этот эпизод в рассказ.) Также в ряде случаев границы предложений могут соотноситься с границами эпизодов нетривиальным образом: в одном предложении может идти речь о событиях, относящихся сразу к двум эпизодам (в подобных случаях мы обычно приписывали предложение ко второму по порядку эпизоду). В большинстве случаев, однако, удается привязать предложение к конкретному эпизоду с достаточной степенью надежности.

В качестве интервалов удержания и заключения мы рассматривали последовательности предложений, входящих в финальный для данного рассказа эпизод. За заключительный интервал принимались три последних предложения финального эпизода, за интервал удержания — все предшествующие предложения этого же эпизода. Для проверки исходного предположения мы сопоставляли длительность предложений в заключительном интервале, в интервале удержания и в предшествующей части рассказа, то есть в нефинальных эпизодах.

2.3. Результаты анализа

Мы проанализировали семь рассказов суммарной длительностью более 31 минуты, общее число словоупотреблений — 3982. В этих рассказах были выявлены 1169 ЭДЕ и 356 предложений. Общие сведения о количестве предложений и средних значениях числа ЭДЕ в предложениях для каждого рассказа по отдельности и для всех рассказов выборки приведены в таблице 1.

Таблица 1

Длина предложений в интервалах различных типов: отдельные рассказы

	Рассказ	До финального эпизода	Удержание	Заключение	Весь рассказ
Pears04	Число предложений	39	4	3	46
	Средняя длина предложения (в ЭДЕ)	4,33	6,25	1,33	4,30
Pears16	Число предложений	48	6	3	57
	Средняя длина предложения (в ЭДЕ)	3,23	4,17	1,33	3,23
Pears22	Число предложений	34	4	3	41
	Средняя длина предложения (в ЭДЕ)	3,88	5,00	1,00	3,78
Pears23	Число предложений	33	8	3	44
	Средняя длина предложения (в ЭДЕ)	3,82	<u>2,38</u>	1,33	3,39
Pears35	Число предложений	17	4	3	24
	Средняя длина предложения (в ЭДЕ)	3,82	<u>2,50</u>	1,00	3,25
Pears37	Число предложений	29	9	3	41
	Средняя длина предложения (в ЭДЕ)	3,31	4,56	1,33	3,44
Pears39	Число предложений	89	11	3	103
	Средняя длина предложения (в ЭДЕ)	2,99	3,82	1,67	3,04
Всего	Число предложений	289	46	21	356
	Средняя длина предложения (в ЭДЕ)	3,49	3,96	1,29	3,42

Как видно из таблицы, у всех семи рассказчиков проявляется одна из предполагаемых тенденций — заметное уменьшение длины предложений в заключительных трех предложениях рассказа. Ни у одного из рассказчиков средняя длина предложений заключительного интервала

не достигает значения 2; во всех рассказах средние длины предложений в предшествующих интервалах заметно выше. В то же время другая гипотеза — о временном увеличении длины предложений в интервале удержания — количественно подтверждается для пяти говорящих из семи, тогда как у двух оставшихся (рассказчиков в записях Pears23 и Pears35) средняя длина предложения в этом интервале оказалась ниже, чем в предшествующих эпизодах, хотя и выше, чем в заключительном интервале. (Для удобства ознакомления с данными таблицы те значения в интервале удержания и в заключительном интервале, которые соответствуют нашим первоначальным гипотезам, выделены полужирным шрифтом, а значения, противоречащие гипотезе, — подчеркиванием.)

Сходные результаты получены и при анализе всей выборки без разбиения по рассказам. На рисунке 3 показаны диаграммы рассеяния («ящички с усами») для каждого из трех сопоставляемых интервалов. Медианные значения длины предложений распределены в соответствии с исходными предположениями: наименьшее значение (1) зафиксировано в заключительном интервале, наибольшее (3) — в интервале удержания, а в эпизодах, предшествующих финальному, медиана равна 2. Согласно результатам непараметрического теста Краскела — Уоллиса, эти различия обладают статистической значимостью ($p < 0,001$). Однако, как показывают апостериорные попарные тесты (критерий Манна — Уитни), значимость различий достигается за счет заключительного интервала, который с точки зрения длины предложений значимо отличается как от интервала удержания, так и от нефинальных эпизодов ($p < 0,001$ в обоих случаях); в то же время различия в длине предложений между нефинальными эпизодами и интервалом удержания статистической значимостью не обладают ($p = 0,21$).

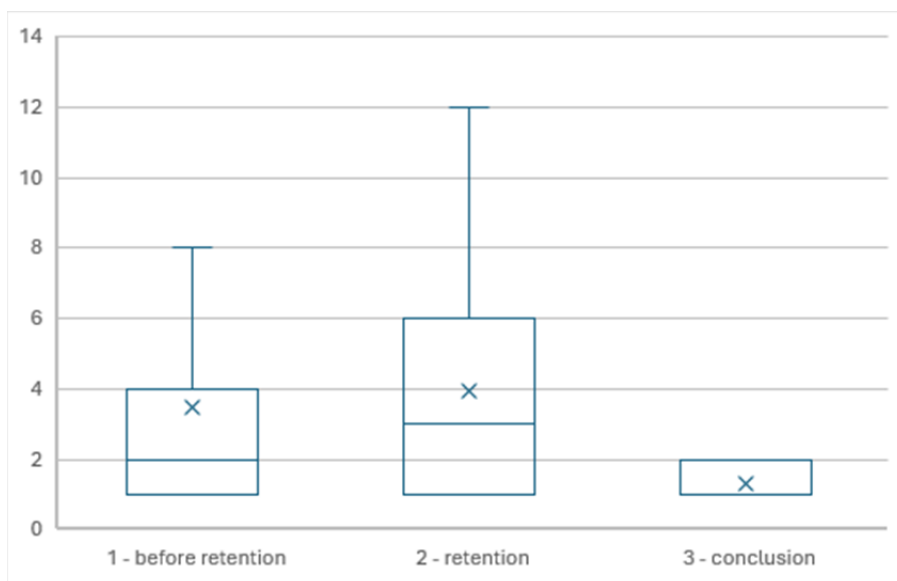

Рис. 3. Длина предложений в интервалах трех типов: все рассказы выборки

Таким образом, в результате проведенного анализа мы смогли надежно подтвердить только одно из двух изначальных наблюдений: в абсолютном конце рассказа, непосредственно перед переходом к этапу разговора, рассказчики используют значительно более короткие предложения, чем в «основном теле» своего монолога. Второе наблюдение, которое состояло в том, что перед тем как перейти к заключительному интервалу, рассказчики, наоборот, на протяжении некоторого участка реализуют более длинные предложения, чем до этого, подтвердилось лишь в качестве тенденции.

Впрочем, к данным об удлинении предложений в интервале удержания можно подойти и в терминах варьирующих индивидуальных стратегий. Можно предположить, что есть значимое большинство рассказчиков, которые удлиняют предложения в этом интервале, и в нашей выборке такими оказались пять из семи рассказчиков. Двое рассказчиков «не владеют» данной стратегией и не используют ее. Если ограничить область статистической проверки пятью рассказчиками, которые использовали стратегию удлинения, то отличие интервала удержания от предшествующей части рассказа оказывается очень близким к статистической значимости ($p=0,06$). Представляется, что этот вопрос требует дальнейшего анализа на большем объеме материала.

3. Жестовые явления

3.1. Функциональные типы мануальных жестов

Аннотация жестов рук в корпусе RUPEX производится по большому числу различных параметров (Литвиненко и др. 2017; Litvinenko et al. 2018). В частности, для каждого жеста отмечается время начала движения руки или окончания предыдущего жеста (подготовка), основная часть жеста (мах) и завершающая фаза (ретракция) в тех случаях, когда она имеется в составе жеста (Kita et al. 1997; Kendon 2004). Разметка фаз жеста проводится с точностью до кадра видеофайла (10 мс). Мы определяли жесты в соответствии с подходом работ (Kendon 2004; Гришина 2017) как движения рук, которые выглядят как результат сознательного усилия и не имеют никакой другой практической цели, кроме передачи информации адресату. Аннотация движений рук производилась независимо от речи (с выключенным звуком).

Для целей данной статьи особое значение имеет такой аспект аннотации, как определение функциональных типов жестов. За основу была взята классификация жестов Д. Макнилла (McNeill 1992). В ходе аннотации мы выделяем следующие функциональные типы жестов: указательные, изобразительные, биты и прагматические жесты. Поясним эти типы жестов, одновременно иллюстрируя некоторые из них жестами, реализованными Рассказчицей записи Pears35 на протяжении фрагмента, текстовый транскрипт которого был разобран выше в примере (1).

(i) Указательные жесты: отличаются простой узнаваемой формой, связывают точку в пространстве вокруг говорящего и упоминаемый в рассказе референт или событие; в рассказе могут служить для (ре)акти-

вазии референта или разрешения референциального конфликта, а также маркирования структуры дискурса или указания на ситуацию, в которой происходит коммуникация, и ее участников.

(ii) Изобразительные жесты: отличаются сложной конфигурацией и / или траекторией, передают некоторую информацию в дополнение к речевому описанию, например о форме, размерах (пример (2), рис. 4), положении объекта или особенностях его движения (пример (3), рис. 5). В примерах вербальные элементы, совпавшие со всем жестом целиком, включая вспомогательные фазы (подготовку или ретракцию), показаны в квадратных скобках, а элементы, совпавшие с махом, выделены полужирным шрифтом.

(2) Pears35N: ЭДЕ с изобразительным жестом

N-vE043 ;и в \этот момент он наезжает [на **большой /камень**],

Рис. 4. Изобразительный жест: форма предмета (*большой камень*)

(3) Pears35N: ЭДЕ с изобразительным жестом

N-vE045 ;его \шляпа /→[**падает**],,,

Рис. 5. Изобразительный жест: направление и траектория движения (*шляпа падает*)

(iii) Биты: движения с нейтральной конфигурацией руки по прямой траектории, описываемой двумя векторами, обычно вверх-вниз или вниз-вверх, их можно сравнить с просодическим выделением некоторого фрагмента. В примере (4) (рис. 6) бит можно интерпретировать как жест, связанный со структурой рассказа (он предваряет описание падения мальчика, то есть привлекает внимание к неожиданному повороту сюжета).

(4) Pears35N: ЭДЕ с битом

N-vE043 ;и в \ [этот момент он] наезжает на большой /камень,

Рис. 6. Бит: короткое движение вверх-вниз с маховой фазой вниз (правой рукой)

(iv) Прагматические жесты (Kendon 2004; Bressemer, Müller 2014; Николаева 2017; Nikolaeva 2017): связаны не с миром описываемых в рассказе событий (как изобразительные жесты), а с выражением позиции говорящего (уверенность / неуверенность в точности передаваемой информации; важность / второстепенность сообщения), указанием на структуру дискурса (например, вводная и / или завершающая части рассказа в противоположность описанию сюжета), на когнитивные процессы при порождении дискурса (процесс воспоминания, сопоставление информации), трудности вербализации (выбор оптимального описания) и т. п. Самый частый прагматический жест в рассказе — «открытая ладонь вверх» (ПУОН) (Cooperrider et al. 2018; Cienki 2021), который связывают с фактом передачи информации (в этом жесте изложение событий метафорически передается адресату как объект).

Для целей данного исследования используется упрощенная классификация жестов, включающая изобразительные жесты, прагматические жесты и биты. Указательные жесты не учитывались, поскольку, по нашим наблюдениям, они не демонстрируют различных паттернов распределения в разных частях рассказа.

Прочие детали наших принципов аннотации мануальных жестов выходят за пределы данной статьи, но с ее образцами можно ознакомиться на сайте <https://multidiscourse.ru/annotation>.

3.2. Предварительные наблюдения и метод анализа

Предварительные наблюдения показали, что в конце рассказа Рассказчик увеличивает долю прагматических жестов и битов и, соответственно, уменьшает долю изобразительных жестов. Причем это не связано с завершением описания сюжета и переходом к оценке рассказа: в финальном эпизоде на клаузах, относящихся к основной линии, также появляются прагматические жесты, что нетипично для нефинальных эпизодов.

В примере (5) приведен фрагмент из финального эпизода рассказа записи Pears35, в котором прагматические жесты (открытая ладонь вверх) сопровождают в том числе описание сюжета. В тех случаях, когда в ЭДЕ было больше одного жеста, верхний индекс перед квадратной скобкой обозначает номер жеста, а тип жеста с соответствующим индексом указан в правом столбце

(5) Pears35N: жесты в финальном эпизоде рассказа

N-vE064	¹ [ʔa-a (0.41) (ʔ 0.37)] ² [/ребя] ³ [та /доволь] ⁴ [ные /идут],	¹ прагматический ² указательный ³ изобразительный ⁴ бит
N-vE065	[и-и жуют \груши].	¹ бит
N-vN020	{ц 0.54}	
N-vE066	¹ [И /они \про]ходят (э 0.45) ² [(0.91) {cl 0.28}] \мимо-о ^ш ³ /са[довника],	¹ прагматический ² прагматический ³ прагматический
N-vE067	¹ [кот]орый-й (ц 0.67) (в 0.82) (0.26) (ʔ 0.28) ² [в \этот момент уже успел] спуститься с /дерева,	¹ бит ² изобразительный
N-vE068	и /обнаружить,	
N-vE069	что-о ¹ [корзина (ʔ 0.12) с] ² [с /грушами] ³ [\пропала].	¹ прагматический ² бит ³ бит

Чтобы верифицировать эту гипотезу, мы сравнили распределение типов жестов в финальном эпизоде рассказов «Обнаружение» с их распределением до финального эпизода (структуру эпизодов см. раздел 2.2 выше).

3.3. Результаты анализа

В рамках данного исследования мы изучили жестикуляцию в рассказах Рассказчиков в четырех записях корпуса. Суммарная продолжительность четырех рассказов составила 16 минут, в них встретилось 895 жестов. В таблице 2 можно видеть доли указательных жестов, изобразительных жестов, битов и прагматических жестов в первых четырех эпизодах рассказов и в финальном эпизоде. Из приведенных данных ясно, что в финальном эпизоде у всех рассказчиков снижается доля изобразительных жестов и растет доля прагматических жестов и битов.

Таблица 2

Соотношение указательных жестов, изобразительных жестов, битов и прагматических жестов (%) в первых четырех эпизодах и в финальном эпизоде рассказа

Запись	Жесты	До финального эпизода		Финальный эпизод		Весь рассказ	
		Число	Процент	Число	Процент	Число	Процент
Pears04	Указательные	53	16 %	3	8 %	56	15 %
	Изобразительные	164	48 %	12	32 %	176	47 %
	Биты	34	10 %	7	19 %	41	11 %
	Прагматические	88	26 %	15	41 %	103	27 %
Pears22	Указательные	12	7 %	1	4 %	13	6 %
	Изобразительные	97	54 %	1	4 %	98	48 %
	Биты	18	10 %	4	18 %	22	11 %
	Прагматические	53	29 %	17	74 %	70	35 %
Pears23	Указательные	22	12 %	8	28 %	30	14 %
	Изобразительные	109	60 %	10	34 %	119	57 %
	Биты	6	3 %	3	10 %	9	4 %
	Прагматические	44	25 %	8	28 %	52	25 %
Pears35	Указательные	7	7 %	1	10 %	8	7 %
	Изобразительные	55	57 %	2	20 %	57	54 %
	Биты	13	14 %	3	30 %	16	15 %
	Прагматические	21	22 %	4	40 %	25	24 %

Изменения в долях типов жестов проявляются у разных рассказчиков в разной степени. На рисунке 7 показана общая картина долей трех типов жестов (изобразительные, прагматические и биты) в целом по четырём рассказам. Как было отмечено выше, в данном исследовании мы не рассматривали указательные жесты, поскольку они могут выполнять разные функции в рассказе (поэтому сумма процентов для всех типов жестов меньше 100).

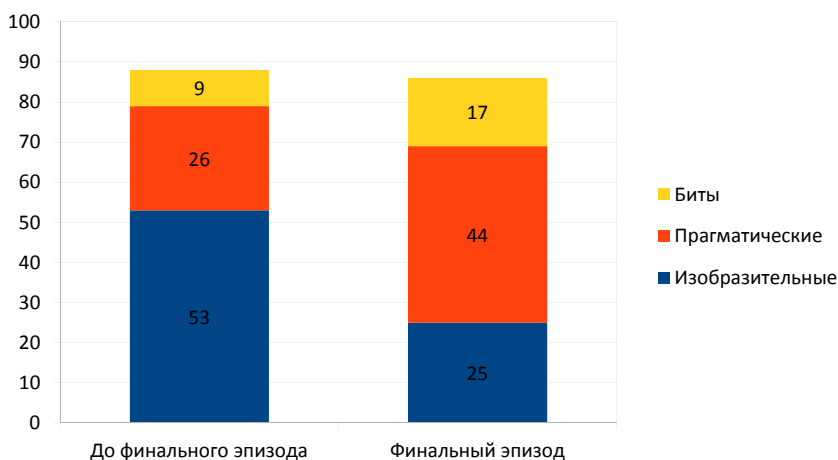

Рис. 7. Суммарные доли изобразительных жестов, прагматических жестов и битов в первых четырех эпизодах и в финальном эпизоде, %

Показанные на рисунке 7 различия между жестикულიацией в финальном эпизоде и в предшествующих эпизодах обладают статистической значимостью (тест «хи-квадрат», $p < 0,00001$). Таким образом, наша гипотеза о повышении частоты прагматических жестов и битов в финальной части рассказа, а также о соответствующем снижении частоты изобразительных жестов полностью подтвердилась на исследованном материале.

4. Обсуждение и выводы

Главный результат проведенного нами анализа речевого материала состоит в том, что Рассказчики обычно завершают рассказ при помощи коротких предложений. Таким образом, Рассказчики сигнализируют о том, что готовы перейти от монологического режима к интерактивному и приглашают к этому своих собеседников. В качестве косвенного подтверждения этой интерпретации приведем данные о соотношении длительности предложений в речи Рассказчиков четырех записей на этапе рассказа и на этапе обсуждения (табл. 3).

Таблица 3

Сопоставление длительности предложений в ЭДЕ на этапах рассказа и обсуждения

Запись	Число предложений		Средняя и медианная длительность предложений в ЭДЕ	
	рассказ	обсуждение	рассказ	обсуждение
Pears04	46	116	4,30; 1	1,66; 1
Pears16	57	263	3,23; 2	1,86; 1
Pears22	41	113	3,78; 3	1,73; 1
Pears23	44	131	3,39; 2	1,90; 1
<i>Всего</i>	<i>188</i>	<i>623</i>	<i>3,65; 2</i>	<i>1,81; 1</i>

Как показывают эти данные, на этапе обсуждения говорящие порождают значительно более короткие предложения, чем при рассказе. Таким образом, обнаруженное нами уменьшение длительности предложений в абсолютном конце рассказа можно рассматривать как своего рода адаптацию к приближающемуся интерактивному режиму.

Вывод из анализа жестового поведения состоит в том, что к концу рассказа Рассказчики уменьшают количество изобразительных жестов, одновременно наращивая количество прагматических жестов и битов. Этот результат можно интерпретировать следующим образом. По ходу изложения основной линии рассказа преобладают изобразительные жесты, которые передают действия персонажей, описывают их внешний вид и облик предметов, которые упоминает Рассказчик. По мере приближения к финалу рассказа Рассказчик сообщает собеседникам о том, что описание основных и самых динамичных событий завершено

(доля изобразительных жестов снижается), добавляет свои оценки сюжета или персонажей (чаще появляются прагматические жесты и биты). Биты, как отмечалось выше, служат, в частности, для выделения некоторого фрагмента дискурса, аналогично просодическим средствам. В связи с этим биты также могут передавать прагматические функции, такие как указание на структуру рассказа и различение важной и второстепенной информации (см., напр.: (McNeill et al. 2015)). Наше исследование показывает, что биты в рассказе с точки зрения момента их появления используются аналогично прагматическим жестам. В конце рассказа доля битов и прагматических жестов растет даже на сюжетных клаузах. Рассказчик буквально «заворачивает» рассказ руками, хотя вокально еще продолжает сюжет. Таким образом Рассказчик сигнализирует собеседникам о том, что его монолог подходит к концу, то есть изменение пропорций жестов разных типов служит инструментом управления сменой ролей в разговоре.

В целом мы можем заключить, что материал корпуса «Русские рассказы и разговоры о грушах», в силу своего изначального устройства, позволил обнаружить новые систематически проявляющиеся речевые и жестовые сигналы продолжения / завершения монолога, входящего в состав более обширной коммуникации.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта Института языкознания РАН FMNE-2025-0006 (А. А. Кибрик), проекта Института языкознания РАН FMNE-2025-0016 (Н. А. Коротаев) и проекта Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-027) (Ю. В. Николаева), поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ. А. А. Кибриком написаны разделы 1 и 4, осуществлена общая редакция текста статьи. Н. А. Коротаевым написан раздел 2, предоставлены дополнительные данные для раздела 4. Ю. В. Николаевой написан раздел 3, предоставлены дополнительные данные для раздела 4.

Список литературы

Богданова-Бегларян, Н. В., 2023. Вздох глубокий... (о функциях вздоха в спонтанном монологе). В: «...Вперед и вверх по лестнице звучащей»: сборник статей к 80-летию Ольги Федоровны Кривновой. Л. М. Захаров, И. М. Кобозева, А. Э. Костюк, Н. Д. Светозарова, Кс. П. Семенова (ред.). М., с. 271–280. [Bogdanova-Beglaryan, N. V., 2023. A deep sigh... (on the functions of sighing in spontaneous monologue). In: L. M. Zakharov, I. M. Kobozeva, A. E. Kostyuk, N. D. Svetozarova and Ks. P. Semenova, eds. "...Forward and upward on the sounding staircase": a collection of articles for the 80th anniversary of Olga Fedorovna Krivnova. Moscow, pp. 271–280 (in Russ.)].

Борисова, И. Н., 2002. Нарратив как диалогический жанр. *Жанры речи*, 3, с. 245–262. [Borisova, I. N., 2002. Narrative as a dialogic genre. *Speech Genres*, 3, pp. 245–262 (in Russ.)] EDN: YNDDOX.

Брызгунова, Е. В., 1980. Интонация. В: *Русская грамматика*. Том 2. Н. Ю. Шведова и др. (ред.). М., с. 98–118. [Bryzgunova, E. A., 1980. Intonation. In: N. Yu. Shvedova et al., eds. *Russian grammar*. Volume 2. Moscow, pp. 98–118 (in Russ.)].

Гришина, Е. А., 2017. *Русская жестикация с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования*. М. [Grishina, E. A., 2017. *Russian gesticulation from a linguistic point of view. Corpus studies*. Moscow (in Russ.)].

Кибрик, А. А., 2018. Русский мультиканальный дискурс. Часть II. Разработка корпуса и направления исследований. *Психологический журнал*, 39 (2), с. 79–90. [Kibrik, A. A., 2018. Russian multichannel discourse. Part II. A corpus development and avenues of research. *Psychological Journal*, 39 (2), pp. 79–90 (in Russ.)] EDN: YRHITL, <https://doi.org/10.7868/80205959218020083>.

Кибрик, А. А., Подлеская, В. И. (ред.), 2009. Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М., 735 с. [Kibrik, A. A. and Podlesskaya, V. I., eds., 2009. *Night Dream Stories: A corpus study of spoken Russian discourse*. Moscow, 735 p. (in Russ.)] EDN: RBONUT.

Кодзасов, С. В., 2009. Исследования в области русской просодии. М., 496 с. [Kodzazov, S. V., 2009. *Studies in Russian prosody*. Moscow, 496 p. (in Russ.)] EDN: RBBZHХ.

Костина, Е. Д., 2023. Паралингвистические элементы и метакоммуникативные единицы в спонтанной монологической речи. *Социо- и психолингвистические исследования*, 11, с. 85–88. [Kostina, E. D., 2023. Paralinguistic and metacommunicative elements in spontaneous monologic speech. *Socio-and psycholinguistic studies*, 11, pp. 85–88 (in Russ.)] EDN: TYSSCY.

Литвиненко, А. О., Николаева, Ю. В., Кибрик, А. А., 2017. Аннотирование русских мануальных жестов: Теоретические и практические вопросы. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, 16 (23), с. 271–286. [Litvinenko, A. O., Nikolaeva, Yu. V., Kibrik, A. A., 2017. Annotation of Russian manual gestures: theoretical and practical issues. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, 16 (23), pp. 271–286 (in Russ.)] EDN: PRMZTV.

Николаева, Ю. В., 2017. Жесты, которые оформляют устный рассказ. В: *Когнитивная наука в Москве: новые исследования: материалы конференции*. Е. В. Печенкова, М. В. Фаликман (ред.). М., с. 545–549. [Nikolaeva, Yu. V., 2017. Gestures that structure an oral narrative. In: E. V. Pechenkova and M. V. Falikman, eds. *Cognitive Science in Moscow: New Research: conference Proceedings*. Moscow, pp. 545–549 (in Russ.)] EDN: YJEWLQ.

Федорова, О. В., 2025. Основы экспериментальной психолингвистики: «Фильм о грушах» Уолласа Чейфа: учебное пособие для студентов Отделения теоретической и прикладной лингвистики. М. [Fedorova, O. V., 2025. *Fundamentals of experimental psycholinguistics: Wallace Chafe's "Pear Film": a study guide for students of the Department of Theoretical and Applied Linguistics*. Moscow (in Russ.)].

Шерба, Л. В., 1915. Восточно-лужицкое наречие. Том 1. Петроград. [Shcherba, L. V., 1915. *The Eastern Lusatian dialect*. Vol. 1. Petrograd (in Russ.)].

Якубинский, Л. П., 1986 [1923]. О диалогической речи. В: *Избранные работы. Язык и его функционирование*. Л. П. Якубинский, А. А. Леонтьев (отв. ред.). М. [Yakubinsky, L. P., 1986 [1923]. On dialogic speech. In: L. P. Yakubinsky and A. A. Leontiev, eds. *Selected works. Language and its functioning*. Moscow (in Russ.)].

Янко, Т. Е., 2001. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 386 с. [Yanko, T. E., 2001. *Communicative strategies of Russian speech*. Moscow, 386 p. (in Russ.)] EDN: ZGJMBL.

Янко, Т. Е., 2008. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М., 312 с. [Yanko, T. E., 2008. *Intonational strategies of Russian speech in a comparative aspect*. Moscow, 312 p. (in Russ.)] EDN: RBBZHD.

Auer, P., 1992. The neverending sentence: Rightward expansion in spoken language. In: M. Kontra, ed. *Studies in Spoken Languages: English, German, Finno-Ugric*. Budapest, pp. 41–59.

Bressem, J. and Müller, C., 2014. A repertoire of German recurrent gestures with pragmatic functions. In: C. Müller, A. Cienki, E. Fricke et al., eds. *Body – Language – Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction*. Berlin, pp. 1575–1591, <https://doi.org/10.1515/9783110302028.1575>.

Chafe, W., 1994. *Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago.

Chafe, W., ed., 1980. *The Pear Stories: Cognitive, Cultural, and Linguistic Aspects of Narrative Production*. Norwood.

Cienki, A., 2021. From the finger lift to the palm-up open hand when presenting a point: A methodological exploration of forms and functions. *Languages and Modalities*, 1 (1), pp. 17–30, EDN: YCDGIU, <https://doi.org/10.3897/lamo.1.68914>.

Clark, H., 1996. *Using language*. Cambridge.

Cooperrider, K., Abner, N. and Goldin-Meadow, S., 2018. The palm-up puzzle: Meanings and origins of a widespread form in gesture and sign. *Frontiers in Communication*, 3, <https://doi.org/10.3389/fcomm.2018.00023>.

de Ruiter, J.P., Mitterer, H. and Enfield, N.J., 2006. Projecting the end of a speaker's turn: A cognitive cornerstone of conversation. *Language*, 82(3), pp. 515–535, <https://doi.org/10.1353/lan.2006.0130>.

Ford, C.E., 2004. Contingency and units in interaction. *Discourse Studies*, 6(1), pp. 27–52, <https://doi.org/10.1177/1461445604039438>.

Houtkoop, H. and Mazeland, H., 1985. Turns and discourse units in everyday conversation. *Journal of Pragmatics*, 9, pp. 595–619.

Izre'el, S., Mello, H., Panunzi, A. and Raso, T., 2020. Introduction. In: *In Search of Basic Units of Spoken Language: A Corpus-Driven Approach*. Amsterdam, pp. 1–32, <https://doi.org/10.1075/scl.94.int>.

Kendon, A., 2004. *Gesture: Visible Action as Utterance*. Cambridge, <https://doi.org/10.1017/CBO9780511807572>.

Kibrik, A.A., Korotaev, N.A. and Podlesskaya, V.I., 2020. Russian spoken discourse: Local structure and prosody. In: S. Izre'el, H. Mello, A. Panunzi and T. Raso, eds. *In Search of Basic Units of Spoken Language: A Corpus-Driven Approach*. Amsterdam, pp. 37–76, EDN: QIYHZE, <https://doi.org/10.1075/scl.94.01kib>.

Kita, S., van Gijn, I. and van der Hulst, H., 1997. Movement phases in signs and co-speech gestures, and their transcription by human coders. In: I. Wachsmuth and M. Fröhlich, eds. *Gesture and Sign Language in Human-Computer Interaction*. Berlin; Heidelberg, pp. 23–35, <https://doi.org/10.1007/BFb0052986>.

Kruger, J.-L., 2012. Making meaning in AVT: Eyetracking and viewer construction of narrative. *Perspectives: Studies in Translatology*, 20(1), pp. 67–86, <https://doi.org/10.1080/0907676X.2011.632688>.

Litvinenko, A.O., Kibrik, A.A., Fedorova, O.V. and Nikolaeva, Y.V., 2018. Annotating hand movements in multichannel discourse: Gestures, adaptors and manual postures. *The Russian Journal of Cognitive Science*, 5 (2), pp. 4–17, EDN: YYKJDF.

Magyari, L., 2022. Predictions in conversation. In: J. Gervain, G. Csibra and K. Kovács, eds. *A Life in Cognition: Studies in Cognitive Science in Honor of Csaba Pléh*. Cham, pp. 59–75, https://doi.org/10.1007/978-3-030-66175-5_5.

Marian, K.S., Malabarba, T. and Weatherall, A., 2021. Multi-unit turns that begin with a resaying of a prior speaker's turn. *Language & Communication*, 78, pp. 77–87, EDN: LXYASS, <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2021.01.004>.

McNeill, D., 1992. *Hand and mind: What Gestures Reveal about Thought*. Chicago.

McNeill, D., Levy, E.T. and Duncan, S.D., 2015. Gesture in discourse. In: D. Tannen, H.E. Hamilton and D. Schiffrin, eds. *The Handbook of Discourse Analysis*, 2nd ed. Chichester, pp. 262–289, <https://doi.org/10.1002/9781118584194.ch12>.

Mlakar, I., Verdonik, D., Majhenič, S. and Rojc, M., 2023. Understanding conversational interaction in multiparty conversations: The EVA Corpus. *Language Resources and Evaluation*, 57 (2), pp. 641–671, EDN: DLQQFT, <https://doi.org/10.1007/s10579-022-09627-y>.

Mondada, L., 2007. Multimodal resources for turn-taking: Pointing and the emergence of possible next speakers. *Discourse Studies*, 9 (2), 194–225, <https://doi.org/10.1177/1461445607075346>.

Nikolaeva, Ju. V., 2017. Pragmatic gestures in Russian retellings of “The Pear Stories”. *The Russian Journal of Cognitive Science*, 4 (2–3), pp. 6–12, EDN: XZRPYL.

Panunzi, A., Gregori, L. and Rocha, B., 2020. Comparing annotations for the prosodic segmentation of spontaneous speech. In: S. Izre’el, H. Mello, A. Panunzi and T. Raso, eds. *In Search of Basic Units of Spoken Language: A Corpus-Driven Approach*. Amsterdam, pp. 403–432, <https://doi.org/10.1075/scl.94.17pan>.

Reece, A., Cooney, G., Bull, P. et al., 2023. The CANDOR corpus: Insights from a large multimodal dataset of naturalistic conversation. *Science Advances*, 9 (13), eadf3197, EDN: TPOHES, <https://doi.org/10.1126/sciadv.adf3197>.

Riest, C., Jorschick, A.B. and de Ruiter, J.P., 2015. Anticipation in turn-taking: Mechanisms and information sources. *Frontiers in Psychology*, 6 (89), <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00089>.

Sacks, H., Schegloff, E. A. and Jefferson, G., 1974. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation. *Language*, 50 (4), pp. 696–735, <https://doi.org/10.2307/412243>.

Selting, M., 2000. The construction of units in conversational talk. *Language in Society*, 29 (4), pp. 477–517, EDN: FOIPUR.

Об авторах

Андрей Александрович Кибрик, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института языкознания РАН; заведующий отделом типологии и ареальной лингвистики ИЯз РАН, профессор, Отделение теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; член Европейской академии (Academia Europaea).

ORCID ID: 0000-0002-3541-7637

SPIN-код: 5234-5102

E-mail: aakibrik@iling-ran.ru

Николай Алексеевич Коротаев, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория мультимедийной коммуникации, Институт языкознания РАН; доцент, УНЦ лингвистической типологии, Институт лингвистики, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-2184-6959

SPIN-код: 3567-9620

E-mail: n_korotaev@hotmail.com

Юлия Владимировна Николаева, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Центр языка и мозга, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-8753-5945

SPIN-код: 1043-4421

E-mail: julianikk@gmail.com

Для цитирования:

Кибрик А. А., Коротаев Н. А., Николаева Ю. В. Речевые и жестовые сигналы продолжения / завершения монолога // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №2. С. 187–208. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-10.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ
CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

SIGNALS OF MONOLOGUE CONTINUATION / COMPLETION: SPEECH AND GESTURE

Andrej A. Kibrik^{1, 2}, Nikolay A. Korotaev^{1, 3}, Yulia V. Nikolaeva⁴

¹ Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Pereulok, Moscow, 125009, Russia

² Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

³ Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya Square, Moscow, 125993, Russia

⁴ National Research University Higher School of Economics,
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia

Submitted on 15.12.2025

Accepted on 29.01.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-10

During conversation, extended monologic passages may occasionally occur. The aim of this study is to identify the features of speech and gesticulation that speakers use to signal either their intention to continue a monologue or, conversely, the approaching completion of the monologue and their readiness to yield the floor to an interlocutor. The study is based on the corpus Russian Pear Chats and Stories (RUPEX), which is equipped with detailed multi-channel annotation. Each session included in the corpus contains a monologic stage, during which a story is narrated, followed by an interactive conversation. This design makes the corpus particularly suitable for the present research purpose. Relying on the episodic structure of the narratives, as well as on the notions of the elementary discourse unit (EDU), the spoken sentence, and the functional types of manual gestures, the study arrives at the following results. Among the verbal signals of monologue completion, it was found that speakers tend to reduce the length of spoken sentences, that is, sequences of EDUs forming a single prosodic complex. In all the sessions examined, speakers concluded their stories with sentences consisting of only one or two EDUs. Moreover, in the interval immediately preceding the final segment, most speakers increased sentence length.

As for gestural signals of monologue completion, the analysis shows that the final episode, in contrast to the preceding ones, is characterised by a lower proportion of depictive gestures illustrating the events being described, as well as by a higher proportion of pragmatic gestures and beats expressing the speaker's stance or organising discourse structure. These changes in speech and gesticulation may be interpreted by interlocutors as indications of the forthcoming completion of the monologue and the prospect of turn-taking.

Keywords: turn-taking in conversation, monologue, multichannel communication, elementary discourse unit, spoken sentence, gesticulation, Russian Pear Chats and Stories

Acknowledgements. Research underlying this article was supported by project FMNE-2025-0006 (A. A. Kibrik, Institute of Linguistics RAS), project FMNE-2025-0016 (N. A. Korotaev, Institute of Linguistics RAS), and project HSE-BR-2025-027 (Yu. V. Nikolaeva, Hi-

gher School of Economics), supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Andrej A. Kibrik wrote sections 1 and 4, and also conducted general editorial work on this article. Nikolay A. Korotaev wrote section 2 and provided additional data for section 4. Yulia V. Nikolaeva wrote section 3 and provided additional data for section 4.

The authors

Prof. Andrej A. Kibrik, Director of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Typology and Areal Linguistics, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Science; Professor, the Department of Theoretical and Applied Linguistics, the Faculty of Philology of the Lomonosov Moscow State University; Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Member of the European Academy (Academia Europaea), Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-3541-7637

E-mail: aakibrik@iling-ran.ru

Dr Nikolay A. Korotaev, Senior Research Fellow, Laboratory of Multichannel Communication, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, UC Linguistic Typology, the Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-2184-6959

E-mail: n_korotaev@hotmail.com

Dr Yulia V. Nikolaeva, Research Fellow, the Center for Language and Brain, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-8753-5945

E-mail: julianikk@gmail.com

To cite this article:

Kibrik, A. A., Korotaev, N. A., Nikolaeva, Y. V., 2026, Signals of monologue continuation/completion: speech and gesture, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 2, pp. 187 – 208. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-10.

